

Берегите бесценные

минуты

или

АХ, КАКОЙ
БУЙАБЕС!

• Театральное приложение, май 2010

ПО ТУ СТОРОНУ ПЬЕСЫ

Дарья Финогеева

... Так бывает. Отпуск. Греция. Солнечное утро. Сидишь на балконе, вдали синее море, ешь фрукты и... пишешь, вернее, переписываешь пьесу для любимой студии.

Это может показаться странным, на новые предложения, которые подбрасывает мне жизнь, я не умею отвечать «нет». Я уверенно киваю и говорю собеседнику, что справлюсь. Вот и в тот сентябрьский день я сидела и кивала: «Да-да, Вадим Александрович, я попробую переписать пьесу. Да-да, мама с радостью подключится. Да-да, все у нас обязательно получится!» А в голове вертелись мысли о том, что мне никогда не было понятно, как В.А. переписывает пьесы, как в принципе можно создать что-то из уже созданного, да и как «подписать» на все это маму, которая точно знает, что я улетаю в свадебное путешествие...

Я мучительно ходила вокруг компьютера, смотрела в чужой и какой-то неживой текст на экране, как будто ждала, что он вдруг оживет и я услышу голоса новых персонажей.

Но через неделю, взлетая в самолете над Москвой, я с ужасом поняла, что до сих пор не добавила в пьесу ни строчки. И идей никаких нет. И только мамино скептическое: «Даш, а как ты себе это вообще представляешь?» – било по моему самолюбию и вынуждало изобретать героев, заставлять их говорить между собой, жить своей жизнью.

И они ожили. Я вдохнула морской воздух, освободила мысли от суеты, и герои нашей пьесы присели рядом со мной на песчаном берегу...

Связь с Москвой была неразрывной. Интернет – это сила. Из Москвы мне шли электронные «телеграммы» с заданиями, и теплыми греческими вечерами я писала-писала-писала.

Первая телеграмма из Москвы от Маэстро: «В пьесе не хватает женских ролей. Думаю, нужно вывести

на сцену доктора».

Долго хожу вокруг ноутбука. Стараюсь отвлечься. Ведь сесть и начать писать, напечатать первое слово – это самое сложное. Диалог должен родиться в голове. Эти люди должны начать жить своей жизнью, разговаривать, спорить, ссориться, а тебе останется просто записывать за ними.

И вот, наконец, свершилось: картинка ожила, и вышла она – девушка в белом халате, с очаровательной улыбкой. Она говорила глупости. Страшные глупости. А Барни кричал на нее. Ведь она подтвердила его смертельный диагноз – болезнь Блюма.

Телеграмма из Москвы – Мама: «Не-не-не, это не страшно. Ему же диагноз уже поставили. Давай его напугаем до конца, чтобы ему хотелось плюнуть на все, чтобы он начал рушить и так кончающуюся жизнь».

А может, обратиться к Яндекс? Ха! Пурпурно-лихеноидный ангиит Гужеро-Блюма – вот полное название болезни Блюма. А если докторица поставит ему тот же диагноз, только назовет его другими словами? Конечно, над этой странной шуткой посмеется лишь тот, кто имеет отношение к медицине. Но мы-то будем знать! Да и диагноз в новом звучании приобретает устрашающий характер.

Телеграмма из Москвы – Маэстро: «Надо как-то расцветить роль мамы».

Телеграмма из Москвы – Мама: «А что если ввести еще один персонаж, который ни на кого в этой пьесе

не будет похож? Родился образ: этакая приживалка при матери. Как в пьесах Островского – вроде никакой роли не играет, а на ситуацию влияет? Гадалка какая-нибудь. Пусть несет всякую чушь и ходит около».

Такую роль надо «вплетать» в текст, она не может жить в отдельных сценах, она должна мелькать на заднем плане, создавать фон, давать подахи для шуток. Она рождается у меня в голове странным образом, она общается со своим незримым другом полковником Дугласом и не реагирует на окружающих. Зал должен смеяться не потому, что шутит она, а потому что над ней шутят другие персонажи пьесы.

Но так не бывает, чтобы ружье не выстрелило. Не может она ходить по сцене просто так, а потом исчезнуть. Вот тут-то и появляется злощастная чашка с кофе!

Ведь изначально было как? – Барни ставят смертельный диагноз, он

начинает жить на всю катушку, ест золотых рыбок, попадает в больницу с отравлением, ему делают повторный рентген (зачем?) и говорят, что он здоров. Правда, очень смешно?

Но мы же хотим веселую комедию! И по всем законам жанра ошибка в диагнозе должна быть так же нелепа, как и вся жизнь Барни, как и его поведение. Пусть даже она будет настолько нелепа, что в нее невозможно поверить.

Телеграмма из Москвы – Маэстро: «А что будем делать с Норой? Может, у нее что-то было с Генри? Может, она в юности хотела выйти за него, а вышла за Барни?»

Одновременно вторая телеграмма – Мама: «Слушай, а может свести Нору и Генри? Пусть Генри будет сильно влюблен в Нору. Я ему уже монолог романтический написала».

И вот они передо мной – Нора и Генри. Они рядом, но не вместе. По-

чему? Почему женщина не выбирает мужчину – он не постоянен, в нем нет опоры. Тогда, пожалуй, из Генри надо делать ловеласа. Он любит женщин, а женщины – его, но родная ему только Нора. И с возрастом она все ближе ему и роднее, а все остальные – все дальше и бессмысленнее. И Нора чувствует это. Ей всегда нравился Генри, просто на него нельзя было положиться. А после того, как стал известен диагноз Барни и от него перестало исходить ощущение стабильности, Генри оказался точкой опоры. И она, которая всегда выбирала мужчину из соображений, чтобы было, на кого опереться, с легкостью меняет одного мужа на другого.

Телеграмма из Москвы – Мама: «Слушай, можно ведь отыграть и ребенка, который по пьесе не имеет к Барни отношения. Девушка с ним и констеблем уедут, и Барни, который был в ужасе от появления внебрачного сына, расстроится, потому что в ребенке ему уже втайне виделась новая жизнь. А вот тогда ему позвонят из роддома и потребуют, чтобы он забрал свою дочку, которую бро-

сила мать, сбежав на второй день после родов и оставив записку с телефоном отца. А пусть это будет ребенок Блюмы? Почистит с Блюмой карму – и появится малыш!»

А почему бы и нет? Дадим ему надежду на то, что в его жизни не все напрасно. Что опрокинув свою жизнь, повернув не в ту сторону, он все же не остался один. И главное – он кому-то нужен. Маленькому ребенку, который только родился и не знает о Барни ничего. Ему просто нужен папа.

... И вот она пьеса. Новая. Такая родная, наша. И герои уже вместе со мной спешат на посадку на московский рейс. Они выходят на гимназическую сцену, оживают, приобретают объем и звук, новые интонации, жесты, эмоции. Смотришь и удивляешься. И боишься. Боишься, что все усилия напрасны, что не будет ярко, не будет смешно. У меня замирало сердце при мысли о премьерной неделе, о зрителях.

И мы с мамой радовались как дети, когда зал взрывался смехом на шутке, которую кто-то из нас придумал; когда не замолкали

**Мы любим Вас!
Мы играем для Вас!**

аплодисменты, когда людям нравилась пьеса, которая вначале нам показалась такой ужасающе скучной, а в наших руках ожила, расцвела, и мы уже воспринимали ее как свою. Ведь попробовать себя в новом деле и создать что-то нужное – это маленькая победа. Ведь это шаг в сторону. В ту сторону. И надемся, что это не последний шаг.

**ЛУЧШАЯ ШУТКА
СПЕКТАКЛЯ. ОПРОС**

***

– Дорогая, не переживай, мне осталось жить всего год.

Целует жену, а она погружена в свои мысли:

– До свиданья, дорогой.

– А почему ты мне сказала «до свиданья»?

– Ну ты же меня поцеловал!

***

Мне осталось жить один день.

***

– Если Джордж согласится.

– Какой еще Джордж?

– Сам не знаю.

***

– Сколько тебе лет?

– Сорок с хвостиком.

– А хвостик сколько?

***

Все младенцы на одно лицо – похожи на Черчилля.

***

Я не приподнял, я настоялся, как коньяк.

***

– А вы действительно решили отдать концы?

– Да.

– Веселенькая история.

***

Одного Блюма за день было бы вполне достаточно... Эти Блюмы меня просто преследуют.

***

«Я завещаю предать мои останки земле на сельском кладбище...» Ты же просил развеять твой прах в море?

Я передумал. Вспомнил, что не люблю купаться.

***

– В Барни спал прекрасный художник.

– По-моему, он и сейчас спит как убитый.

***

– Понюхай, как пахнет море!

– Никогда не думал, что море пахнет скунсом.

***

– Но твое морское дно слегка потемнело... Ты не бросал туда

монетку на счастье, Па?

– Ну да, чтобы вернуться, когда загремишь в реанимацию.

***

Шутки, касающиеся роста Барни. Первая, когда Барни подходит к Генри и говорит «Бери выше!». А вторая – когда Барни встает на цыпочки и говорит «Не маленький!». Это была тонкая и умная сатира.

***

Мне понравилось, когда Барни приготовил буйабес, а Селена сказала: «Давайте помолимся, чтобы с нами ничего не случилось после этого блюда!». И Генри пошутил: «Отврати от нас, Господи, чашу эту!» И понравилось, когда Барни сообщил весть о своей скорой смерти, а Нора, не услышав его, спросила: «Милый, ты недавно был в магазине сантехники?»

***

На программке было написано «уноротс ут в еН».

Татьяна Яковлевна Орловская:

«МНЕ ВЕЗЕТ!»

Какие бы споры ни сопровождали новый спектакль студии, в одном сходятся все, его посмотревшие, – лучшими на сцене были в эти пять вечеров брат и сестра Орловские, Татьяна Яковлевна и Алексей Яковлевич – уже более чем опытные актеры, настоящие любимцы публики, исполнившие в пьесе роли матери и сына.

Мы посчитали интересным спросить их об этих ролях, о работе, об ощущениях от премьеры...

Вы прекрасно справились с ролью матери Барни. Как это достигалось?

Я не придумывала фишек: жестов, мимики, поз, интонаций, мне кажется, это приводит к неестественности. Я должна была сердцем понять, что это за женщина. И когда поняла, перестала думать о том, как двигаюсь, что говорю, как надо вести себя, и все пошло само собой.

Чем для Вас интересна эта роль?

Многие говорили, что это классический образ авторитарной матери. Не согласна. Мама не из тех, которые знают силу своего влияния на ребенка и путем шантажа диктуют ему, как надо поступать. Как любая нормальная мама, она всю себя отдает своему ребенку, но не вмешивается в его жизнь, позволяя совершать ошибки. Она просто отпускает сына – пусть переберется. Честно говоря, думаю, она догадывалась, что у Барни нет смертельного диагноза: в этой семье люди перестали друг друга слышать, и маме казалось, что это событие способно что-то изменить, поэтому она не стала открывать всем своих соображений.

Другое дело – ей неважно, что происходит без нее, главное – что при ней! Только когда Барни с Норой открыто ссорятся, мама шокирована – сын впервые начал вести себя неадекватно, орать. Она говорит, что от крика страдает его ментальное тело, но это лишь слова, а на деле – по-

пытка вернуть сына к прежнему сценарию.

Расскажите, пожалуйста, об успехах и трудностях в постижении этой роли.

Есть такие роли, где ты ведущий персонаж и все зависит от тебя самого. А в моей – обратная ситуация. Если бы не другие герои, как бы я хорошо ни играла, моя роль бы не удалась. Я очень зависела от других актеров.

Барни действительно умирает. И жить ему осталось всего год... Хотя карты предсказывают несколько больше.

Путь к успеху, как ни странно, – это парик и трость! Я окончательно слилась со своей героиней благодаря этим предметам. Я без них даже немного скучаю... Если вы помните, я в конце встаю и у меня трясется рука, а все потому, что я левша, а палочку взяла в правую руку...

О трудностях: у меня самой очень подвижная мимика, а негоже такому человеку, как мама, столь ярко реагировать лицом. Пока я не понимала свою героиню, было очень сложно, но как только все встало на свои места, настал момент наслаждения, когда играешь без улыбок, гримас, в образе серьезной женщины, а народ смеется.

Все мои переживания сошлись в этой женщине. Я очень люблю свою героиню. Эта роль принесла мне

много открытий. Зрители подходили и говорили, что хотели бы быть такими в этом возрасте. Это высшая похвала.

Как Вам дался жанр комедии?

Это интересный жанр. Когда идет читка пьесы, ты смеешься довольно часто. Но после многочисленных репетиций уже даже не улыбаешься, приходит ощущение, что это не смешно. Хорошо, что на спектакле снова возвращается смех!

А еще эту комедию я бы назвала тестом комплексов многих людей. Так, в сцене с укусом пчелы я узнала своего папу: это вообще свойство мужчин, они из любого заусенца раздувают огромную проблему.

Какой период в работе над спектаклем самый трудный?

Процесс репетиций – это не просто «тупое ежедневное», это настоящий поиск и режиссера, и актера. Это очень интересный процесс, местами сложный – на грани обид и ссор. Даже друзья, которые иногда забегали на репетиции, говорили, что могут не прийти на премьеру – так все было непросто. А я верила, что все будет замечательно.

Вообще, у В.А. нет однозначных образов, да и спектаклей тоже.

Каким Вам в этот раз показался зал?

У него была удивительная энергетика. Мне так было комфортно, легко играть! И спектакли были разные – в понедельник посмеивались, во вторник стояла тишина... А на последних спектаклях зал энергетически предугадывал, что сейчас будет! Например, в сцене, где я говорю, что на столике лежит чей-то ребенок. Еще не успеваешь произнести текст, а зал уже смеется...

Кого бы Вам еще хотелось сыграть?

Какого-то конкретного персонажа? Не знаю. Мне пока везет, я играю женщин с тяжелыми судьбами. Другие мне не интересны.

Алексей Яковлевич Орловский:

«ЭТО – ИГРА!»

Вы играли бесподобно. С этим не сможет поспорить никто из зрителей. Здесь невозможно спрашивать рецепта, однако... Как Вам удалось быть столь органичным и точным? Есть ли у Вас какие-то свои секреты?

Секретов нет. Мое участие в постановках нашей театральной студии можно расценить как хобби, но спектакль каждый год очень важен для меня и как возможность выплеска творческой энергии. И компания хорошая – радость и удовольствие быть вместе! Что касается органичности – это часто совпадение темперамента актера и персонажа, но она напрямую связана с выбором режиссера. Режиссер определяет героев, когда разговор идет о том, кто будет играть в этом году в драмстудии. А ведь выбор у В.А. широкий, количество людей на его юбилее это доказало. Твое участие в спектакле зависит не от того, что ты формально входишь в состав студии, а от того, будет ли для тебя роль. (Я, например, точно знаю, что не всякую роль смогу сыграть). На это даже не всегда влияют умения и талант артиста. Отсюда и выбор, отсюда и приоритет к кому-либо из актеров. В этом году так получилось, что мой темперамент совпал с темпераментом Барни.

Какowo Вам было играть главную роль пять дней подряд, параллельно ведя уроки и занимаясь административными делами?

Пять дней подряд было играть тяжело, очень тяжело. Мы даже подумали вернуться к традиционным четырем дням премьеры, но было поздно, так как уже были расклеены афиши. Отказаться было нельзя. Спасало то, что между уроками и спектаклем была возможность поспать хотя бы час. Поделюсь секретом: какое удовольствие спать на диване на сцене! Подушки такие мягенькие!

Чем для Вас интересна роль Барни?

Барни очень разный, у него большой диапазон эмоций. Он человек любопытный, увлекающийся, наполненный множеством чувств: там и переживания, и хохмы, и капризы, и обиды, и разочарования, и радость – все переплетается и постоянно меняется. Неслучайно в середине работы над образом у нас возникла параллель с Чарли Чаплином, трагическим комиком, глядя на которого – и смеешься, и грустишь. Это и есть задача, которую ставил режиссер. Это интересно было попробовать!

Что Вы больше всего любите, когда выходите на сцену – свое состояние, взаимодействие с партнерами, внимательные глаза зрителя или что-то еще?

Я зрителей практически не вижу, но энергия зала чувствуется безусловно. Всегда очень важно бывает, какой зал: от этого спектакль в разные дни по-разному играет и воспринимается. Показательна пятница – день, который завершает премьерную неделю. Зритель уже хорошо знает сюжет. И ты чувствуешь – все свои, и диалог с залом идет. Но больше всего я люблю взаимодействие с партнерами. Вот от этого кайф невероятный. Зал влияет на характер спектакля, но это не так принципиально, как твой партнер.

Какой период в работе над спектаклем самый трудный? А какой – самый счастливый?

Трудный этап – заучивание текста, и на репетиции думаешь не столько об игре, сколько о тексте, понимая свою ответственность перед партнерами. Поскольку я играл главную роль, от меня зависели все персонажи вообще... Представляете, что может произойти, если главный герой забывает текст! Учить такой огромный и сложный текст – это каторга. Это безумие! Хотя я и учил его каждую репетицию, неоднократно повторял в спектакле, но сейчас, ей-богу, ничего уже не помню... А к счастливым моментам отнесу, во-первых, распределение ролей – всегда интрига. Затем добавление в уже найденные мизансцены чего-то нового, деталей.

Это так любопытно! Но самый счастливый момент – когда понимаешь, что ты сделал свою работу и сделал ее хорошо.

Как происходит присвоение роли? Откладывает ли она отпечаток на Вашей жизни?

Я часто роль от себя дистанцирую. Для меня театр – это возможность поиграть, прикоснуться к чужой жизни, а потом вернуться в свою. Заканчивается спектакль, какое-то воспоминание о своем герое остается, но я точно понимаю, что это другой человек, другая жизнь, все другое. Так ведь мы и говорим – игра!

Какого героя Вам хотелось бы сыграть теперь?

Возможность ИГРАТЬ В СТУДИИ вообще – лучше, чем играть кого-то конкретно. Просто нужно доверять своему режиссеру, ведь именно он смотрит на твой характер, особенности, манеры, и именно он «подкидывает» тебе такого героя, на которого ты похож. Успешной эта моя роль получилась потому, что мы «сыгрались» с режиссером и поняли друг друга.

Над интервью работал Дмитрий Агафонов.

И прошу вас привыкнуть к моему продленному существованию!

ДРАМАТУРГИЯ, ИДУЩАЯ В ТУ СТОРОНУ...

Ольга Александровна Бученкова

Равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть.

А. П. Чехов

Ничем не примечательная пьеса малоизвестных английских драматургов Роберта Морлея и Розмари Энн Сиссон «Призрак на цыпочках» (в оригинале «Ghost on tiptoe», 1975), при этом еще и серьезно переработанная, стала лишь поводом поговорить – ни больше, ни меньше – как о смысле жизни... Возможно, кто-то скажет опять «детская тема» для школьной театральной студии: но, во-первых, и студия уже давно далеко не детская, она повзрослела и стала зрелой вместе с ее режиссером и основным костяком актеров, выросла из романтики и сказок, трагедий и трагикомедий, как ребенок за лето вырастает из старых штанов; а во-вторых, малодушно считать, что с молодым поколением стоит говорить о вечных темах лишь высоким штилем классической литературы. Можно и так: без мурашек и экстримов, а через смешную до слез, и вместе с тем банально жестокую реальность жизни...

В том, как бережно в этом спектакле собраны цитаты из многих предыдущих, дорогих сердцу, выстрадавших, красивых, надрывных, фантастически творческих спектаклей, можно усмотреть ритуал прощания с тем, что было раньше: аллюзии нанизаны, как бусины четок («Хотела сделать погремушку – получились четки...»), которые режиссер перебирает, вспоминая, что было сделано, вступая в новый период своей творческой жизни, своего «другого», «взрослого» театра, как на последнем звонке вступающие в новую жизнь выросшие дети с умилением и улыбкой вспоминают моменты школьных лет...

И на сцене собраны многие, кто был в этом театре, кажется, всегда: выросшие, зрелые, глубокие, интересные, бесспорно талантливые, лучшие, прибавившие к своим именам инициалы отчеств в программке спектакля...

Жанр этого спектакля – грустная комедия. Это еще одна отсылка к реальности, жизненности того, что происходит, ведь в нашей жизни чаще случаются грустные и веселые моменты, чем трагические и счастливые. Да, все так спокойно и по-взрослому, *в ту сторону...*

Спектакль о смысле жизни – не больше и не меньше. Чьей жизни? Жизни одного единственного, вовсе не героического персонажа – Барни Дролла – обычного человека, который – внезапно и вдруг – сталкивается с вопросом, в чем смысл его жизни, когда он узнает, что ему осталось жить примерно год-полтора... И сразу возникает вопрос: зачем и как я жил? Что останется после меня? Что будет с теми людьми, которых ты называешь близкими и родными... На протяжении своей жизни – жизни впопыхах, жизни не для чего-то особенного, жизни как у всех – ты не задаешься этим вопросом, ибо столько важ-

ных каждодневных забот и насущных проблем, что, право слово, некогда думать о философских глупостях... И вдруг, как обухом по голове, непонятный, никому не известный, а значит, страшный диагноз – болезнь Блюма (к слову, вовсе не смертельная – вялотекущий хронический дерматит – стоило только залезть в Британскую энциклопедию, но туда в этой «семье давно не заглядывают», это лишь удачный тайник). И вот часики затикали, нервно, неумолимо в полной тишине и пустоте – время начало обратный отсчет – часы пошли не так и *не в ту сторону...* Быстрее и быстрее в сторону конца. И как издевка звучит песня Оскара Бентона «Vita bella» – «Life could be wonderful, life could be cool...», да уж «Сладкая жизнь»: «жизнь может быть прекрасной, жизнь может быть и прикольной...»

В оригинале пьеса называется «Призрак на цыпочках» – призрак человека, идущего по жизни на кончиках пальцев, боясь наследить (или, если хотите, оставить свой след), семенящего на «цырлах» перед своей матерью. В интерпретации пьесы театральным агентством Арт-Салон режиссера Александра Горбаня в название добавлено было «Требую любви, или Призрак на цыпочках». Требование любви от своих близких этого взрослого человека – Барни Дролла – выглядит забавно (кстати, droll – забавный *англ.*) и по-детски – с истериками, привлечением внимания окружающих с помощью глупых экстравагантных поступков, попытки прикинуться больным (укус пчелы). Но *грусть* (нет-нет, не трагизм ситуации, именно *грусть*) заключается в том, что любви – увы и ах! – категорически нельзя требовать, как нельзя ее и купить...

Новость о смертельной болезни главного героя становится (как бы написали критики) «лакмусовой бумажкой» в выявлении его отношений с теми людьми, которых он считает самыми близкими, отношения с которыми пусть и не кажутся ему идеальными – ссоры с сыном и невесткой, комично детские тайны от собственной матери, рутина в отношениях с женой Норой, споры с близким другом Генри, – но составляют его обычную – как у всех нас – жизнь.

Человек, узнавший о надвигающемся конце, вдруг начинает задумываться о внешнем антураже своего ухода – похороны, поминки, развеять прах, написать завещание, чтение которого превращается в весьма комичную и *неудачную репетицию* посмертного ритуала прочтения завещания... НЕТ, не туда, *не в ту сторону...* Идут его мысли...

И лишь один персонаж – забавный, несерьезный, рыжий, девушка со смешным именем Джиджи, случайно появившаяся в доме Барни, пытается указать ему на ту сторону, в которую, возможно, стоит думать, когда тебе осталось жить всего ничего, когда часики продолжают неумолимо тикать в полной тишине... Рыжая, солнышко,

маленький цветочек... «*My petite fleur, you are sun in my life...*» Какая банальная мысль – сделать в остаток жизни то, чего ты не делал раньше.

Вдруг попробовать себя в живописи, стать экстравагантным кулинаром, попробовать найти себя... Но опять все не то и не так, *не в ту сторону*: близкие воспринимают твои старания как придурь умалишенного, смертельно больного человека, шалости «ребенка на цирковом представлении», хваля твои псевдодостижения и понимающе переглядываясь за твоей спиной.

И мысль о твоей смерти, которую ты так красиво и аккуратно преподносил своим близким, боясь их ранить, стала для них через очень короткое время обыденной, тем, о чем говорят между обедом и стиркой, строя планы на время «после» и на автомате обсуждая с тобой, что и как лучше сделать... Да, это жизнь, наша жизнь – череда смешных и нелепых случайностей и совпадений, поступков и связей, неминуемо заканчивающаяся смертью... Наша потребность тем, кто вокруг нас, бывает, увы, утилитарной: если тебя не будет – закончатся деньги и нечем будет оплатить водонагреватель и садик камней, столь необходимые, чтобы все было по фен-шуй, то есть правильно, красиво и со смыслом.

Это пьеса про жизнь, и в ней нет хороших и плохих: как и в жизни, каждый персонаж по-своему прав в своей жажде прожить *свое*. Конечно, можно было бы осудить Нору и Генри, так быстро состряпавших планы на будущее, на «после смерти Барни»: но ведь все, все хотят жить – и близость смерти – пусть не твоей собственной, но близко подошедшей к твоему дому – обостряют животное желание жить: сделать хоть что-то, чтобы найти свое счастье (не в стирке и счетах) – призрачное, неочевидное, но свое! Можно с возмущением думать о матери, не проронившей ни слезинки при мысли о смерти единственного сына, но и она всеми силами пытается найти смысл своей жизни – возможно, не так и не там... Можно обвинять сына Роджера с его женой Селеной в излишней корысти, потребительском отношении к родителям, но и они живые, им не чужды проявления любви – маленькой, каждодневной, но вот такой любви, на которую они способны...

Никому не нужен Барни... Но ведь и ему по-настоящему не нужен никто... Да, мы все и всегда требуем любви, мы нуждаемся в ней, как в воздухе, который нам нужен, чтобы дышать, но что готовы сделать мы ради этой любви? У Барни, над которым нависла

– Вам часто приходилось бить полицейских?
– Никогда не упускала удобного случая.

угроза смерти – *неудачная репетиция смерти*, эти чувства предельно обострены. Самое страшное, с чем мы никогда не сможем и не должны мириться – это равнодушие: и прежде всего, наше собственное каждодневное равнодушие к нашим близким с дежурными поцелуями и рукопожатиями, скандалами и комплиментами, равнодушие, отзывающееся их равнодушием, катастрофически преумножающимся. А от человеческого равнодушия нет лекарства – ни в традиционной медицине доктора Лоры, ни в чудачковатых, странных мантрах шаманки Блюмы.

А жизнь – упрямая штука: она продолжается и продолжается в наших детях, внуках, в детях, о которых мы можем и не подозревать (ну, у мужчин, возможно, так бывает). В пьесе звучит одна мысль, от которой мурашки идут по коже, но которая может стать правдой, если мы не задумаемся о своей жизни: мысль о том, что мы нужны только беспомощным младенцам, нашим детям, и лишь до их 5 лет...

Почему только страх неминуемо приближающейся смерти может научить нас жить?! Мы малодушно бережем наши эмоции, боясь испытать что-то по-настоящему сильное, начать ЖИТЬ: сказать кому-то о своей любви, нырнуть с акулами или приготовить умопомрачительный буйабес – но сделать что-то, о чем ты сможешь вспомнить, а главное, заглянуть *в ту сторону* – внутрь себя, решить наконец, хочешь ли ты быть формальным блюстителем закона или борцом за призрачную свободу кубинского народа, полицейским или хиппи, продавцом овощей или банщиком, поэтом или художником, а еще посмотреть на тех, кто тебя окружает – стать человеком, который не по привычке, а по-настоящему кого-то любит и которого кто-то любит, который кому-то по-настоящему нужен...

Для меня это был настоящий правдивый спектакль, заставивший меня еще раз задуматься о том, как и зачем мы живем. Спектакль немного циничный, безусловно, веселый и динамичный, взрослый, зрелый, при этом спокойный и без заигрываний блистательно сыгранный близкими и почти родными мне людьми и поставленный человеком, который, к моему

Вам всегда было все равно!
Я умираю, а вы даже не можете забинтовать мне руку!

великому счастью, никогда не оставляет меня равнодушной!..

P.S. Простите, но, кажется, я тоже могу прибавить инициал отчества к своему имени.

НЕ В ТУ СТОРОНУ

Ну какая
разница – кто его
отец? Главное, мы все
его будем любить.

Займись чем-нибудь
полезным, если ты уже не
умираешь и не уезжаешь.

И что вы
советуете?...
П о в и д а т ь
психиатра?!
Это его первая
смешная шутка за
сорок лет.

– Мне кажется, что у него
крыша поехала.

– Если верить его гороскопу,
она всегда у него находилась в
движении.

– На умирающего человека вы не
похожи, сэр.

– Это я не похож?!

– Тогда предъявите справку, сэр. И я
составлю протокол.

В ФОТОГРАФИЯХ И ЦИТАТАХ

традиционный фотоколлаж

– Хочешь, Селена, я тоже упомяну тебя в своем завещании?
– Пожалуйста, не беспокойтесь!

– Приходил Дуглас. Сказал: «Путь покойника не проложен, надо заранее помянуть».
– А закопать заранее не надо?

Я жил иллюзиями.
Я думал, что я всем вам нужен.

Па, я хотел стать поэтом. Но я понял, что бизнес – это тоже поэзия. Это ритм, это эмоции, это жизнь.

Было бы хуже, если бы я обещала вам счастливую старость, а вы бы скончались за утренней чашкой кофе.

СПЕКТАКЛЬ НА ОДИН РАЗ (ПРЕТЕНЗИЯ НА РЕЦЕНЗИЮ)

Дмитрий Дементьев

Нет, нет... Провала не случилось! И это не может не радовать! Я присутствовал на читке пьесы, на некоторых репетициях (правда, не на генеральных) и впервые за многие годы не исключал такой возможности.

А вышло по-другому. Очень емко сформулировал В.Б. Крапиль, когда я спросил о его впечатлении после премьеры: «Ну, бывали спектакли и поглубже... Бывали спектакли и посмешнее... Но все равно некая режиссерская планка выдержана, ниже ее спектакли уже в любом случае не опускаются».

В итоге получился такой крепенький комедийный середнячок, без особых претензий, вполне достойный занять место где-нибудь в середине репертуара театра «Сатиры». (Моя мама – любительница этого театра. Я ее позвал, уточнив, что ей это обязательно должно понравиться. К моей величайшей радости после спектакля она заявила, что прошлогодняя «Неудачная репетиция» ей понравилась гораздо больше – вот уж не угадаешь).

Попробую разобраться, что именно привело к такому результату.

Любой спектакль складывается из трех базовых вещей: драматургии (собственно, пьесы), режиссерской работы (это и свет, звук, сценография) и актерского исполнения.

ДРАМАТУРГИЯ – безусловно, самое слабое место спектакля. На читке пьесы, определенной как «легкая развлекательная комедия» (что, в принципе, не отменяет потенциального наличия глубины и стоящего подтекста), большинство слушавших лишь несколько раз ухмыльнулись и почти не смеялись (пара хохотушек не в счет). Похожая ситуация творилась и на многих репетициях.

Справедливости ради скажем, что в готовом варианте спектакль получился гораздо более смешной – я смеялся несколько раз. Правда, отчасти это связано с тем, что я вообще благодатно настраиваюсь на наши спектакли и ловлю каждый повод (не факт, что будучи человеком со стороны, я бы так же реагировал). А отчасти – с очень хорошей работой актеров, вытягивающих своей игрой любую потенциальную шутку.

Хотя большинство остроумцев было крайне прямого, я бы даже сказал, примитивного действия. Ну, как у Чаплина – поскользнулся герой на банановой кожуре – и все смеются. Не могут не смеяться, действие идет на уровне рефлексов (к шутке про Черчилля это не относится – вот он, пример интеллектуального юмора!)

При этом фабула спектакля – мне лично очень импонирует!

Тут как раз самое время поговорить, О ЧЕМ И ПРО ЧТО СПЕКТАКЛЬ.

Человек, поняв, что ему отпущен лишь еще небольшой срок, кардинально меняет свою жизнь и приходит к осознанию, что жизнь-то эта гораздо многообразнее и интереснее, чем он считал до сих пор, находясь в шорах стабильности и предсказуемости. Пускай и несколько банальное, но оттого не менее ценное послание среднестатистическому обывателю! Мы движемся по узкому коридору повседневности: дом-работа-дом... И все так обычно, предсказуемо! И даже если кто-то это понимает, то сил, решимости и желания что-то изменить, как правило, не хватает. Лишь чрезвычайное событие (такое, как происходит у главного героя), позволяет вырваться из этого круга. А потом выясняется, что события-то, собственно, и никакого не было. А изменения – выход из коридора – произошел!

Не надо ждать конца жизни, бери и меняй ее сейчас, бери все ее многообразие и наслаждайся им! – вот примерно в таком ракурсе можно рассматривать поучительную историю, произошедшую с главным героем.

Отдельного разбора заслуживает мысль о том, что «не-смерть» Барни становится неудобной всем остальным: жене, сыну, другу. Идея, что мы нужны или, как минимум, не мешаем другим людям до тех пор, пока наше существование не входит в противоречие с их жизненными интересами, также довольно очевидна. Естественно, все это верно в условиях жесткого эгоистичного существования, где нет таких понятий, как любовь и дружба. Так значит, нет вокруг

Барни ни любви, ни дружбы? И даже мать, которая, казалось бы, должна при любых обстоятельствах любить больше всего своего сына, относится к нему равнодушно, спокойно воспринимая известия и о его близкой кончине, и о чудесном выздоровлении.

Так зачем все это в пьесе? Хочешь, зритель, воспринимай как иллюстрацию: «Вот она, жизнь какая нехорошая, каждый сам за себя!». Хочешь, как призыв к действию: «Люби ближнего своего».

Основываясь на подобной фабуле, можно сделать и остроумную комедию, и тонкую психологическую драму, и гротескную трагикомедию. Вопрос лишь в том, как преподнести эти мысли – под соусом изящных шуток, горькой иронии или тонкой психологии? Но получили мы не очень смешную, топорную комедию положений. Один только главный сюжетный поворот – «чашка на снимке» – чего стоит! Даже в таком, заведомо не очень реалистичном, несколько условном повествовании, это выглядит просто вопиющей условностью! После нее лично я вообще отказываюсь верить в происходящее, а следовательно, и сопереживать герою и приходиться к тем мыслям, о которых я писал выше.

Отдельно остановлюсь на доработке пьесы, вернее – на появлении в ней роли Блюмы. Я охотно верю, что после доработки пьеса стала гораздо веселее и остроумнее.

Вот это мой портрет. Он не напоминает тебе Пикассо?

нее (хотя возникает закономерный вопрос, какой же ужас там творился *до*). Скажу больше: на читке эта роль звучала и интересно, и убедительно. Но в итоге – в спектакле роль Блюмы смотрелась как-то отдельно: забавным, смешным, но вставным номером. Это плохо. И лишний раз подтверждает, как непросто труд драматурга (маленькое оправдание автору).

РЕЖИССУРА

Главный минус в том, что режиссер взял эту пьесу.

А если серьезно, то в целом (исходя из данности пьесы) сделан спектакль добротный, как в общем-то и все предыдущие. Самоповторы наличествуют – куда уж без них! В данной работе, правда, этому придан статус особой «фишки» – ищем реминисценции! – это забавно, но, в основном, только режиссеру и актерам. Порадовал предсказуемо «особый» финал с удачно непредсказуемым результатом.

Еще из удач стоит отметить великолепный образ матери (явно не был заявлен в пьесе), не знаю уж, чья заслуга тут больше, режиссера или исполнительницы. Выбор музыки хорош (также традиционно), нет претензий и к световой партитуре.

Остановлюсь на тех моментах, которые не получились или выглядели неубедительно.

Динамика отношений Норы к Барни после того, как она узнает, что он не собирается умирать, раскрыта очень топорно и неправдоподобно! Не сомневаюсь, что Д.М. Хлестова могла здесь продемонстрировать сколь угодно тонкую игру – любой переход, нюанс. В результате же резкая, никак не оправданная агрессия Норы вызвала как минимум недоумение. Вся логика развития образа говорила о том, что если она и испытывала недовольство такой силы самим фактом, что муж будет продолжать жить, то оно проявлялось бы крайне постепенно и вышло бы полностью уже только тогда, когда она нашла формальный повод ему это высказать (скажем, после известия о нескольких новорожденных).

Роль доктора Лоры... По окончании возник закономерный вопрос, зачем вообще в спектакле эта роль? Сообщить о рождении ребенка? Легко – по телефону. Показать нам забавную перепалку представителей традиционной и нетрадиционной медицины? Получилось несмешно, лишь затянуло спектакль. Добавить лишний гэг: мол, у Барни не Блюм, а непонятно что, и умрет он еще раньше? Даже он не сработал! Ответ «занять еще пару школьниц хоть в какой-нибудь роли» безусловно напрашивается, но ведь можно было это сделать поизящнее?

АКТЕРСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ

В целом очень хороший уровень игры (да и трудно было ожидать иного от столь звездного состава). Меньше всего претензий по этому пункту, хотя и тут не все равно. Я позволю себе остановиться только на удачах, об остальном, с вашего позволения, умолчу.

Ни для кого не секрет, что спектакль держался во многом на отличной игре А.Я. Орловского. Он был повсюду:

шутил, кривил брови, стонал и отчаянно хохотал. В упрек стоит поставить разве что излишнее комикование в ряде эпизодов, когда все-таки возникало ощущение, что это смеется не Барни, а именно А.Я. Впрочем, в рамках такого спектакля это не было большим упущением.

Очень порадовал А.И. Молев в роли Генри, доказав, что успех в дебютных «Жестоких играх» был не случаен. Отличный уровень игры. Сценично, выразительно. Не очень понравилось, как он резко реагировал в эпизоде чтения завещания, но это скорее претензия к режиссеру.

Дарья Михайловна потрясающе тонко и естественно выглядела в мелких спокойных бытовых диалогах. Очень понравилось! Другого, правда, я и не ожидал. Как уже писал, получилось неправдоподобно с Барни во второй половине, но в данном случае – это претензия к режиссеру.

Т.Я. Орловская создала просто великолепный образ матери, больше всего поразивший меня. Исполнение почти всегда было идеально точное. Не очень понравился момент в самом конце с дрожанием рук – показалось неправдоподобно (опять к режиссеру, наверное).

Андрей Терехов – отличное исполнение роли Роджера! Очень понравился созданный образ флегматичного поэта-банщика. Практически не к чему придраться. Если только к монологу про бизнес и стихи, не совсем достоверно получилось.

Генерозова Мария в роли Селены – если не брать в расчет самый первый выход – очень хорошо! В начале была некая зажатость, которая потом прошла. Ну разве еще чуть напрягала недостаточная громкость звука (мне с первого ряда было все слышно, а вот у сидящих дальше могли быть проблемы).

Финогеева Дарья в роли Блюмы – очень хорошо! Отлично проработан визуальный образ, мимика, пластика. Все естественно (насколько это возможно в данной роли).

Понравилась и Марина Шаюнова – но иногда казалось, что она «изображает» Блюму, а не является ею. Плюс небольшие претензии по темпу. Надеюсь, в следующем году будет другая роль и потенциал актрисы раскроется полнее.

У Г.Б. Шандалова в роли констебля – два коротких эффектных костюмированных выхода. Что может быть лучше! Был вполне в них органичен. Понравилось все.

Добрецова Лена и Шестернева Лиза, уверен, могли бы исполнить роль Лоры хоть и по-разному, но одинаково правдиво и естественно. Однако эту возможность режиссер им предоставить не смог или не захотел. Поэтому и оценивать, на самом деле, нечего. Пожелаю девочкам в следующем году нормальных ролей.

***

Так что мы имеем в сухом остатке? Веселенький развлекательный спектакль на один раз (я видел два раза, но второй – уже было тяжеловато), в котором – при желании – можно найти пару банальных, но стоящих мыслей.

Не так мало? Но и не так много!

*Не переживайте,
теперь у вас будет более
интересная компания.*

О СПЕКТАКЛЕ-БРИЛЛИАНТЕ

Константин Смятских

Вот и закончилась премьерная неделя-2010, отгремели аплодисменты, попрощались с ролями актеры. Спектакль, вышедший в этом году на суд зрителей, оказался достаточно спорным. Привыкшей за последние годы к драме, достаточно глубокому подтексту и приглашениям искать собственные ответы на чужие вопросы публике была представлена комедия. Кого-то эта смена курса обрадовала, кого-то – обескуражила. Всех мнений не перечтешь, и я хотел бы остановиться только на своем.

Начну с того, что поправлюсь – все же спектакль был по жанру не просто комедией, а грустной комедией. На первый взгляд – претензия на оксюморон? Основная прелесть спектакля видится мне в том, что это не так. Не было никакого сочетания несочитаемого, никаких потуг связать разные настроения пьесы. Все компоненты сплелись очень органично. Прекрасно были выверены пропорции комедии, драмы и даже трагедии. Спектакль получился очень цельным и гармоничным. Я бы сравнил его с граненым драгоценным камнем: прекрасная шлифовка, симметрия и равноправие граней. Отдельное спасибо за это хотелось бы сказать прекрасно сработавшим сценическим редакторам пьесы Д. Никитиной и Л. Рожковой.

Однако не только формой спектакль схож с бриллиантом. В нем так же сквозь одни и те же грани каждый раз по-новому задорно сверкали маленькие преломленные лучики солнца – мелкие детали актерской игры, нюансы, оживляющие действие и позволяющие легко верить ему. Многочисленные реминисценции, касающиеся прошлых работ Маэстро, лишь подстегивали интерес к этим нюансам и, будучи найденными, оттеняли и придавали некоторую пикантность общим впечатлениям от актерской игры. Кажется, это и есть ключевые слова – «актерская игра». Раньше в нашей студии все было как-то очень... по-литературному, и спектакли занимали у вдумчивого зрителя значительно больше времени, чем пара часов непосредственного действия. В этом году все вышло очень по-театральному, очень профессионально. Актеры прекрасно поработали над образами, на кого ни глянь – яркий, сочный, цельный характер, создаваемый именно актерской игрой. В этот раз актерская игра была не средством выражения чего-то большего, ме-

тафоричного, а была совершенно самодостаточна. Да, любопытный зритель может вникать в смысл названия, открытого финала, мотивации героев. Но спектакль вовсе не требует этого, дает возможности подумать – но не сталкивает зрителя лбом с ними.

Возможно, подбирать нужные слова и интонации проще, когда говоришь именно то, что хочешь сказать, и ни мыслью меньше. И это упрощение задачи привело к уди-

*Чудить –
это нормально!*

вительному результату – отыгрыш роли расцвел во всей красе. Наверное, привычные нескончаемые аплодисменты были в этот раз как никогда восторженными. Блестал неподражаемый Алексей Яковлевич Орловский, получивший практически карт-бланш на выражение как никогда широкого спектра эмоций, блистали и удивительно пластичные и достоверные гадалки Блюмы в исполнении Дарьи Никитиной и Марины Шаюновой, блистала сросшаяся со своей колоритной героиней Дарья Михайловна Герасимова...

Список можно продолжать, пока не закончатся все задействованные актеры. Исключений не было. Отдельно хотелось бы порадоваться и поблагодарить за прекрасный дебют десятиклассников – новичков студии, очень достойно смотревшихся на фоне опытных старших товарищей.

*Можно впасть в глубокую
медитацию. Тогда прием любого яда не
принесет никакого вреда.*

Подводя итог, хотелось бы сказать, что этот спектакль, несмотря на значительный уклон в развлекательность, вышел вовсе не пустым, а насыщенным и гармоничным. Я считаю, что студия в этом году не продолжила поступательное движение, а взяла принципиально новую для себя высоту – высоту на пути к профессиональному театру. Спектакль был лишен характерной камерности и предстал отлично поставленным и отточенным до блеска цельным представлением, которое было очень приятно смотреть. Которое оставит след больше не в миропонимании или в убеждениях зрителя, а в его эмоциях, переживаниях. По-моему, такой подаренный нам с вами студией праздник – это очень важно и очень здорово. Большое спасибо студии и лично Маэстро за то, что не побоялись сделать этот рискованный шаг не в ту сторону и не прогадали.

Мария Генерозова и Марина Шаюнова:

«И РАДОСТЬ, И ПЕЧАЛЬ...»

Мы побеседовали с актрисами-десятиклассницами – Машей Генерозовой и Мариной Шаюновой. Заметим, что Марина – абсолютная дебютантка, а у Маши за плечами только прошлогодняя работа в спектакле младшей студии о Пушкине. Вот о чем рассказали нам девушки:

Были трудности в работе над ролью?

М.Г.: Безусловно, были. В прошлом спектакле я работала со стихами, в этот раз – с прозой, что оказалось гораздо сложнее! В стихах понятна эмоция, которую автор хочет донести, а тут надо было подыскивать нужные интонации, делать так, чтобы игра не казалась фальшивой. Были (и остаются) проблемы с голосом – я говорю для сцены слишком тихо и не умею еще контролировать его громкость...

М.Ш.: Да, были некоторые сложности (уж очень необычный характер у моей Блюмы). Но для преодоления их я посмотрела видеоролики в Интернете и популярное телешоу «Битва экстрасенсов». Это мне помогло. Ну и конечно, ничего бы не получилось без нашего режиссера и его советов.

Каково было играть в звездном составе?

Как вы влились в устоявшийся коллектив?

М.Г.: Безумно приятно играть с такими людьми, как Д.М. Хлестова, Орловские, Г.Б. Шандалов. Перед глазами все время репетиций были люди, которые играют умело, талантливо. Для меня, как для новичка, это было крайне полезным опытом, и я пыталась не упускать случая у них поучиться. В коллектив влилась я очень легко, меня, как и остальных молодых студийцев, радушно приняли, со многими учителями нас теперь связывают очень теплые, почти «семейные» отношения.

М.Ш.: Играть в звездном составе было очень приятно, все старались помочь, посоветовать, поддержать. А «вливание» в устоявшийся коллектив... Сначала было немного непривычно. Но в студии все люди, без исключения, очень добрые, отзывчивые. Спасибо им!

Вы достойно справились с ролями. Как это удалось?

М.Ш.: Я долго не понимала: делаю ли я все правильно или нет? Получается у меня? Как это выглядит со стороны? В понимании этого мне очень помогла моя напарница по роли Даша Финогеева. Я чувствовала огромную поддержку с ее стороны. Ей спасибо особенное!

М.Г.: Без советов В.А. и помощи остальных студийцев я бы не справилась – меня поддерживали, подсказывали, помогали, если требовалось. Ну и конечно, я задействовала и собственную фантазию, ориентировалась на себя – как бы я поступила в подобной ситуации, что бы сказала, как бы сделала.

Расскажите о своих героинях.

М.Ш.: Моя героиня Блюма очень странная. Ей, я думаю, около 25 лет. И закончив медицинский вуз, она полностью меняет свою жизнь и посвящает себя экстрасенсорике. Она живет в своем мире, который не всем открыт. Этим она и привлекает внимание.

М.Г.: Селена – девушка веселая и творческая. Несмотря на то что она жена и молодая мама, она все

еще девчонка, живая, яркая. Думаю, она слишком рано стала мамой, ей бы хотелось еще пожить для себя, в свое удовольствие – и повеселиться, и попутешествовать, и еще многое успеть – за что я ее нисколько не осуждаю: ведь кому не хочется насладиться жизнью, если есть возможность? Ни она, ни ее муж пока не знают, что значит иметь семью, хотя вступали в брак по любви. Поэтому они оба «кормятся» за счет родителей. Весть о смерти Барни действует как сигнал: пора браться за ум и учиться выживать самостоятельно. Осознание необходимости жертвовать чем-то (временем с любимым мужем, тусовками с друзьями) приходит к ним, и начинается трудный, но лишь скрепляющий их отношения период. В итоге они оказываются вполне успешной и самостоятельной молодой парой, у которой все хорошо.

Какие ощущения были после дебюта?

М.Г.: Семь месяцев репетиций стоят того, чтобы испытать то, что происходит с тобой после поклонов. Я люблю быть на сцене, люблю играть и слышать, как тебе аплодируют, видеть лица зрителей после спектакля и понимать, что им понравилось – это ни с чем не сравнимое ощущение. Тут и счастливые мысли («Да, я это сделала!» и «Мы молодцы!»), и радость, и облегчение, и желание выйти еще на сцену. После последнего выхода – печаль, что все закончилось и больше этот спектакль не повторится. Мне кажется, что словами описать всю палитру эмоций не получится, для этого надо просто хоть раз выйти на сцену и испытать это на себе.

М.Ш.: Чувство радости, гордости и удовлетворения! Я понимала, что у нас все получилось, все задуманное осуществилось.

Будете ли в следующем году участвовать в постановке? Не хочется ли ролей помасштабней?

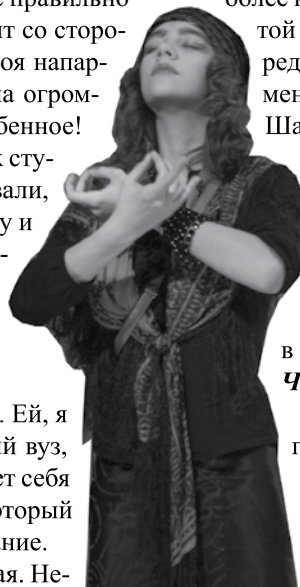
М.Г.: Я много думала об этом. Безусловно, мне хочется участвовать в следующем спектакле, возможно, даже в более крупной роли, но, к сожалению, у меня не будет той свободы времени, которая была недавно. Впереди выпускной класс: репетиторы, курсы, экзамены в вуз – думаю, мне будет просто не до сцены. Шаг сложный, но надо уметь расставлять приоритеты, и мне кажется, что в следующем году для меня самым важным будет учеба и подготовка к поступлению. Но это отнюдь не значит, что не получится никогда!

М.Ш.: Следующий год – тяжелый и насыщенный. Но мне безумно хочется участвовать в постановке, и я приложу к этому все усилия.

Что бы пожелали будущим студийцам?

М.Ш.: Пожелаю удачи, хороших ролей и главное, чтобы они ничего не боялись!

М.Г.: Пусть для них студия станет частью личного мира, без которой будет «как-то не так». Если чувствуешь, что это твое, то надо использовать свой шанс. Ну и конечно – творческих успехов и побед!

РЕЦЕНЗИЯ НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Анна Шалимова

Рецензия на спектакль пишется по определенным правилам. Все учителя-литераторы гимназии 1505 согласно кивнут головами. В случае же с творением нашей театральной студии – хочется выйти за рамки правил и просто рассказать о своем впечатлении...

Итак, тяжелой поступью в конце рабочего дня, уставшая, я поднималась на пятый этаж, в актовый зал. Афиши спектакля, похожие на те, которые были в дни моей учебы в школе, стабильный актерский состав, неизменный режиссер-постановщик... Однако свежее и обещающее, новое и неожиданное – название пьесы «*Не в ту сторону*». «Что ж, посмотрим, в какую сторону уплыл дорогой творческий коллектив», – подумала я и вошла в зал. Стихли приветственные аплодисменты, и спектакль начался. Из тишины и темноты – рождалось действие, ставшее событием этого апреля.

Это история мужчины, узнавшего, что жить ему осталось год. Трагический диагноз – результат курьеза, следа от кофейной чашки врача, оставленной на рентгеновском сним-

ке больного. Все вокруг изменяет свои правила – ведь смерть рядом. И, словно уже ощущая ее дыхание, Барни начинает *жить*. Он пишет завещание и репетирует его прочтение с семьей, заставляет сына заняться семейным бизнесом, крутит роман со случайной женщиной, чего никогда не позволял себе раньше, начинает рисовать, готовит новые блюда, погружается в аквариумы с акулами...

Тем временем семья, посочувствовав герою, строит планы на жизнь *без него*. Жена Барни и его друг собираются пожениться и отправиться в путешествие, его мать тоже мечтает посмотреть мир, сын заключает успешные сделки с партнерами по бизнесу...

Но вскоре выясняется ошибка врача – умирать рановато. Запланированные изменения отменяются. Каков конфликт! Ведь снова правила игры нарушены! Все персонажи по-своему реагируют на новость. Увы, никто не рад «возвращению» мужа, отца и друга...

Два момента запомнились мне больше всего в этом спектакле. Первый – возможный отъезд Барни на Кубу. Жена и мать, кажется, не хотят, чтобы он уезжал. Они волнуются и беспокоятся о нем, но когда он возвращается – не рады ему и не могут даже *сыграть* радость. Он не нужен им по-настоящему, и это правда – страшна и горька и для главного героя, и для его близких.

Второй момент-очарование – это блеск глаз Барни в самом конце спектакля. Луч надежды, радости – человек, дочка, которой он нужен. Есть *последствие*, продолжение сюжета, которое мы додумаем сами, по своим правилам.

Мне кажется, этот спектакль – универсальный, в нем любой сможет найти ту проблему, которая его волнует. Одиночество среди близких людей, проблема выбора жизненного пути в молодости, старость, жизнь с нелюбимым человеком, вера...

Это спектакль о каждом из нас, и он, несомненно, движение «к ту сторону». Для меня театральная студия – маленький театр со своей судьбой, со своими – правильно! – правилами. И, может, благодаря тому, что этот театр школьный, он всегда будет казаться молодым, энергичным – и никогда не станет мудрым старичком.

После премьеры было много цветов и аплодисментов. Я уходила легкой поступью, потому что настоящее искусство молодит, как ничто другое. И еще я поняла: искусство – это когда не по правилам!

Похоже, сейчас она единственная в этом мире, кто нуждается во мне.

Может, все-таки поторопиться и улетишь на Кубу? Со всеми своими младенцами.

Вот и все. Машина ушла. Он уехал, даже не попрощавшись.

ПОЧЕМУ ТАК?

Виктория Буяновская

В этом спектакле есть, о чем подумать. И, наверное, многие начали размышлять еще до того, как в зале погас свет и актеры вышли на сцену. Зрители повертели программки в руках и, разглядев их, задались вопросом: «Почему буквы в названии напечатаны не в ту сторону?» Изображение текста зеркально, действующие лица и исполнители перечислены в «обратной», нетипичной последовательности, часы на рисунке имеют странный циферблат... Все это настраивает на раздумья о названии спектакля. В чем же смысл этого названия?

Понятно, что важно, что важнее не столько заключительные слова главного героя, сколько нелепые события, происходящие с ним, и его поступки, которые всегда приводят к нежелательным последствиям. Отец семейства, благополучного на первый взгляд, оказывается жалким и никому не нужным. Кажется, Барни был примерным мужем, заботливым отцом, успешным бизнесменом (или так только кажется?!).

Отчего же рушится все, что было ему дорого, почему самые близкие люди отворачиваются от него? Стечение обстоятельств или вина Барни?

Правда открылась ему случайно. Не будь ошибочного заключения врачей и «приближающейся смерти», Барни никогда бы не узнал, что никто из близких не предан ему по настоящему, что лучший друг и родные как будто надели маски, маски добра и любви.

В этом спектакле нет хороших и плохих персонажей. Есть живые

люди со своими желаниями, целями, жизненными принципами. Они умеют постоять за себя, они не пропадут в сложной ситуации. Другое дело Барни – большой ребенок. Столкнувшись с ранее неведомыми, к тому же неприятными обстоятельствами, он запутался в человеческих отношениях, не смог найти верной дорожки, растерявшись, пошел не в ту сторону. И вся его однообразная жизнь перевернулась с ног на голову.

Как он жил до того, как узнал свой «роковой диагноз»? Работал в своем «овощном» бизнесе, ссорился и мирился с женой, матерью, сыном, проводил свободное время в беседах в другом. Захотел «пожить на всю катушку» напоследок, но как-то все нелепо, комично получалось.

Барни вдруг стал всем мешать, его терпели, как умирающего. Все слишком уж спокойно переживали его «приближающуюся смерть», Даже надеялись, что его неразумным выходкам скоро придет конец. А он опять «смотрел не в ту сторону» – все больше раздражал домашних, вместо того, чтобы... Впрочем, это неважно, что мог сделать Барни действительно полезное и прекрасное «перед смертью». Важно, что он этого не сделал.

И вот, когда Барни «заново рождается» (то есть опять же случайно и при нелепых обстоятельствах узнает, что он здоров,

– От укуса пчелы не умирают.
– Он умирает не от укуса.

– У тебя тиф?

– Господи, причем тут тиф? У меня болезнь Блума.

вовне здоров), комедия превращается в трагикомедию. Барни возвращается к реальной жизни и понимает, что в «предсмертном состоянии», (да и не только тогда) он как будто «смотрел не в ту сторону»: делал то, из-за чего теперь приходится нелегко. Ведь «хотел как лучше», когда поручил другу заботиться о жене, когда почти насильно передал семейный бизнес сыну. Все обернулось против него: он потерял и жену, и бизнес; остался ни с чем. Да еще появляется ребенок, потом еще один (и неизвестно, его ли это дети)... Судьба сыграла с ним злую шутку – как же ему было не запутаться... Становится жаль Барни... В финале это человек, познавший обиду и несправедливость, как будто сильно постаревший, умудренный опытом.

Кажется, никто ни в чем не виноват. Просто бывает и такая жизнь, увы, реальная жизнь...

ЖИЗНЬ, А НЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Евгения Клыкова

Грустная комедия снова заставила задуматься о жизни, о том, как мы к ней относимся и на что ее тратим.

В этом спектакле было очень много смеха, но это был странный, поразительный смех, лишь внешне напоминающий комедийный. В очередной раз рассмеявшись над новой ситуацией, шуткой, каламбуром, я вдруг поймала себя на ощущении какой-то неловкости, какой-то неясной тревоги... Над чем мы смеемся? Над словами Барни о том, что он предпочел бы здоровую болезнь неизлечимой? Над тем, как Барни рассказывает Норе о своем диагнозе, а она ему – в это же самое время – о дорогом и ненужном ей водонагревателе? Над милыми и очень смешными причудами Барни, его внезапном увлечении живописью и кулинарией? Над возмущенным бестолковыми врачами Генри, который справедливо замечает, что если Барни будет продолжать жить, люди непременно это заметят?..

А может быть, над тем, что мы так часто подменяем понятия «жить» и «существовать» и почему-то все чаще выбираем второе?.. Но почему же? Наверное, так просто спокойнее, удобнее, привычнее. Какая мирная получается жизнь – целыми днями читать газеты, а на выставках разных «измов» с глубокомысленным видом говорить «однако». И так

Ну познакомь меня с какой-нибудь птичкой. Хочется, чтобы была молоденькая. Желательно – рыжая...

Когда душа отравлена, глупо тревожиться о теле...

проходит время, но кажется, что пожить еще успеем, спешить некуда... А может быть, мы вовсе не задумываемся даже об этом – до тех пор, пока

вдруг, казалось бы, бесконечная перспектива благополучного существования начинает стремительно сужаться, как это произошло с Барни. И только тут он видит, что его никто не замечает. Даже когда он разговаривал с Норой, она ведь ни разу не взглянула на него! Так и сидела она спиной к мужу, занимаясь хозяйственными делами, пока он рассказывал ей о том, что его жизнь скоро закончится. А она – не поняла, не услышала. Но разве он – раньше, все эти годы – слышал ее? Понимал?..

Переделать за год все дела, испытать то, что не успел. Французская кухня, картины, погружения с акулами – все это причудливым образом перемешивается. Со стороны все это выглядит комично, и это смешно, очень смешно. Но – зрителям, не Барни. Потому что для него это – его жизнь на последние (как он думает) месяцы.

А его семья? Она, пережив первый шок, на-

чинает планировать свою дальнейшую жизнь, и притом весьма успешно. Перспективы замечательные: свадьба, кругосветное путешествие, успехи в бизнесе... А что такого? Надо же будет поднять как-то настроение после смерти любимого мужа, отца, сына, друга...

Итак, семья предусмотрела все. Кроме одной маленькой детали – Барни оказывается совершенно здоров, он собирается жить! И вот здесь наступает настоящий «шок» – это слово несколько раз повторяет Нора. Все планы под угрозой срыва. А виноват в этом только Барни, который почему-то рассчитывал, что новость обрадует его семью, и все будет хорошо, как прежде. Но все уже привыкли к его смерти, как раньше привыкли к его существованию. Но вот с его новой жизнью они смириться уже не в состоянии. Это факт, пожалуй, может принять Блюма. И еще – ребенок... Маленькая девочка, которая еще ничего не знает, которая только начинает жить... И, кто знает, может быть, она все-таки выберет жизнь, а не существование? Может быть, она посмотрит «в ту сторону»?..

ГОУ гимназия №1505
«Московская городская педагогическая гимназия-лаборатория»
107061 Москва 2-я Пугачевская, 6 каб. 24
телефон 964.33.60

Пугачёвская, 6
Театральное приложение
май 2010
Главный редактор Колчугина О.П.
Мнение авторов не обязательно совпадает
с позицией редакции

Технический редактор Надежда Белякова
Выражаем благодарность Вадиму Александровичу Терехову за содействие в создании этого Театрального приложения.
Над интервью работала Дм.Агафонов.
Дизайн обложки – Анна Николаевна Ноздрачева.
Использованы фотографии Редакции, Александры Евдокимовой.
Рисунок Данила Финогеева.